

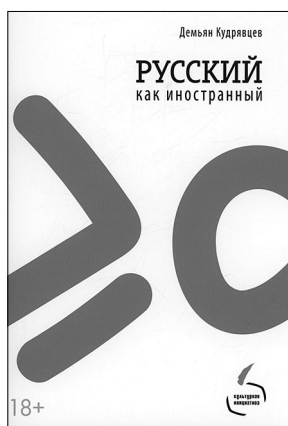
Евгения Риц
Бригада

DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_299

Кудрявцев Д. Русский как иностранный

М.: Культурная инициатива, 2022. — 192 с.

Для поэтической перед нами весьма толстая книга, около двухсот страниц, так что приходит в голову, не полное ли это на сегодня собрание стихотворений Демьяна Кудрявцева. Понятно, что совсем уж точно ответить на это нельзя, но действительно то и дело стихи из давних, «вавилоновских» еще публикаций соседствуют с теми, что видела в соцсетях несколько месяцев назад. И никакой хронологической последовательности, нигде не стоят даты — стихи в книге предстают столь же вневременными, сколь и остро — до злободневности — современными. По сути, «Русский как иностранный» — это суггестия времени — времени как физического понятия и времени как эпохи, его плотно сжатый комок, и все время у Кудрявцева — наше; не то чтобы до него ничего не было, но все, что было до него, существует — не длится, а именно в этой сжатой точке существует — сейчас: и остров Голодай с казненными декабристами, и *желтая родина белый китай* (с. 103).



Предыдущий поэтический сборник Демьяна Кудрявцева назывался «Гражданская лирика». Здесь и правда и игра, и книге «Русский как иностранный» это тоже может быть адресовано в полной мере. Разумеется, лирика Демьяна Кудрявцева — гражданская, и он, может быть наряду с Юлием Гуголевым, сегодня один из ведущих поэтов этого поджанра — абсолютно все, что им написано, написано с позиции человека, политически чувствующего, переживающего, но не переживающего время, притом что перед нами ни в коем случае не поэзия лозунгов, а постоянная рефлексия, сопровождающаяся непрерывным же просодическим поиском, и этот поиск, его пути, находки, его уникаль-

ность — самое удивительное, что в стихах Кудрявцева есть. Вернемся к тому, что это лирика — гражданская. Называя свои стихи так, Демьян Кудрявцев имеет в виду не только их содержание (это очевидно и само по себе и не нуждалось бы в декларации), но и определенную игру слов — это лирика написана тем, кто на «гражданке», человеком, вернувшимся из армии, может быть с войны, и воспринимающим разворачивающиеся (и одновременно сворачивающиеся, точно пульсирующее) пространство как поле боя: «там под созвездием пунцовым / салюта гордости салат / там край лежит перелицован / куда ступали на крыльцо вы / с безумной твёрдостью салаг» (с. 16).

Тип лирического героя, сама атмосфера книги вызывают ассоциацию, за которую рецензенту, может быть, и неловко, однако почему-то кажется, что рецензируемому автору совсем уж несимпатична она не будет — сериал «Бри-

гада». Стихи Демьяна Кудрявцева хранят тот же дух не девяностых даже, а представления о девяностых, каким оно сложилось несколько лет спустя, вчерашнее припоминание позавчерашнего. И здесь важны не столько даже узнаваемые приметы реальности (или ментальности; разумеется, и сериал этот воспроизводил не реалии девяностых, даже не воспоминания о них, а миф, и, возможно, и не воспроизводил вовсе, а продуцировал; я, например, только отсюда «узнала», что у нас в девяностые были бандиты, притом что свои девяностые помню очень хорошо, а тогда помнила еще лучше), сколько этот специфический для Кудрявцева спрессованный дух истории, истории Новейшего времени — воспоминание о воспоминании само мгновенно становится воспоминанием, но при этом вполне осязаемо продолжает быть, предметы времени преобразуются в приметы времени, не теряя, однако, своей предметности.

Лирический герой Кудрявцева хоронит друзей и вспоминает об этих потехах, воспринимает мир через криминальную символику девяностых и ранних нулевых, предстает подчеркнуто брутальным одиноким романтиком. Два сюжетобразующих момента поэтического мира книги, ее лейтмотивы — смерть близких (танатофобия в книге, пожалуй, отсутствует, смерть здесь всегда потеря, а не уход) и проживание пубертата как сакрального времени, причем эти линии связаны, перекручены, переплетены:

у
 умерших язык
 весь в топких волдырях
 пока мы здесь стоим начищены в резерве
 там смерть небытие опарыши и черви
 там чех хохол и лях
 пристанище нерях
 контуженных глаза
 своё читают темя
 как взятые чумой и страстью в пубертат
 потея и дрожа проходят между теми
 кто выжил просто так
 кто жёг ещё рейхстаг.

(С. 24)

Миф поэта-воина, включающий Киплинга и Гумилева, здесь, безусловно, присутствует, однако вспоминаются здесь не столько они, сколько наш современник Михаил Генделев, к которому Демьян Кудрявцев близок и биографически, и — особенно в ранних стихах — мелодически: обрывистостью речи, нарочитой и пленительной неровностью.

здравствуй мишенька
 тебе сегодня сорок
 как и мне
 то что умер ты неправда
 это морок
 это чёрный творог родины
 в окне.

(Из стихотворения, посвящённого Михаилу Генделеву. С. 58)

Поэзия Демьяна Кудрявцева — романтическая вполне в литературоведческом значении этого понятия — не столько романтика, сколько романтизм — трагически серьезный и одновременно полный самоостраняющей иронии. Название «Русский как иностранный» — оксюмороническое принятие-о(т)странение. «Я другой», — говорит лирический герой Демьяна Кудрявцева, осознанно, с нахмуренной усмешкой, именно потому, что так говорил хрестоматийный русский романтик Лермонтов, и гейневские сосна и пальма оборачиваются эвкалиптом на почве Леванта, и это в том символическая репатриация с родину на родину, из России в значимый для лирики Демьяна Кудрявцева Израиль. Об этом несколько в другом контексте говорит и автор предисловия к книге «Русский как иностранный» Дмитрий Кузьмин (статья «так далеко зашли играя словом»): «За пределами родного болота осталась только смутная мечта с гейневско-лермонтовским привкусом: “на дальнем юге вечно есть страна / где я другой сижу под эвкалиптом”» (с. 6).

Тем не менее Демьян Кудрявцев очень современный поэт. Непременно возникает ряд ассоциаций, как задуманных автором, так и существующих в голове читателя, не только с уже упоминавшимися Михаилом Генделевым и Юлием Гуголевым, но и с рядом авторов, условно говоря, круга «Вавилона», чей яркий дебют, так же, как и у Демьяна Кудрявцева, пришелся на рубеж XX и XXI веков. Отметим, что это авторы, чей творческий эксперимент проходит скорее в русле того, что условно же принято называть традицией, ее обогащения, расширения, прироста, чем в области более радикальных практик.

Так, третье стихотворение в сборнике представляет собой рифмованную и ритмизированную прозу, записанную в строчку, с неявным, но все же нарративом. «Недобитые пешки едва тащатся завывая, они расставляют вешки, потом забивают сваи. Уже вдалеке огни и дым караван-сарая, до которых дойдут одни, когда кончится силовая акция, а другие — не вытянут сбитых ног из белых, как сон пурги, и чёрных, как грязь, сапог, квадратов своих траншей, пришей им кресты на лоб, лобок им побрей от вшей» (с. 12). Явно или неявно этот текст адресует к нарративным же текстам на грани стихов и малой прозы, написанным в той же форме Линор Горалик и Юлией Идлис в первой половине 2000-х.

Детское чтение как собирающий поколение фактор, советское поэтическое бормотание оборачивается библейским мифом — у Демьяна Кудрявцева совсем современным: «на улице каверина но это не проверено / жил человек растерянный неопытный в быту / дел у него немеряно а люди хоть не звери но / все слушают чичерину в кейптаунском порту» (с. 74); у Станислава Львовского в книге 2012 года «Всё ненадолго» — всеисторическим: «— Это что за Ленинград — / Вифлеем или Арад? / А с платформы говорят: / — Это ад»¹.

Иногда встречаются сближения совсем уж неожиданные, но вполне закономерные, и мы видим, что пятаки эти — общие, поколенческие, у всех одинажды скользнувшие в подземную щелочку метро. «Хоть гляди его ещё / всё равно не наглядеться / пятаки бегут со щёк / леденцом солёным детства // не ворочает язык / тоже медную монету / что ж меня на свете нету / я ведь так к себе привык» (с. 89), — пишет Демьян Кудрявцев. А Дина Гатина пишет: «в спи-

1 *Львовский Ст.* Все ненадолго. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 177.

чечном коробке / возле кого лечь. / одна нога взрослая, / одна ещё пяткой на пятаке»². Хароны разные, а пятачок у них один.

«Русский как иностранный» поражает, помимо всего прочего, своим ритмическим богатством, разнообразием, деликатным, но тем не менее радикальным новаторством. В самом начале книги автор декларирует, что стиховое звучание для него не только инструмент, но и рефлексия, и способ выражения мысли — в том числе гражданской. Дикция, а не слово, несет смысл: «пой ровесники песню какую дают / нету ока высокого выше светила / где бы ни были были и басни а тут / песни нам бы хватило // и пускай эту дикцию портят слова / и высокие в терцию тянутся тоненько / как последнюю бритву встречает братва / доминанту и тонику» (с. 14).

Ритмически привычные стихи, такие как процитированные выше, непременно содержат акцентно-смысловые сбои, мелодия органично меняется в самых важных местах. Но чаще в книге встречаются стихи, целиком написанные такими сбоями, потому что все в них — акцентное. Рифма тоже всегда не случайна, осмыслена, ударна. Здесь множество составных и, кажется, совершенно новых рифм: «нас не прочтут / пока земля не ссохнись / вода не испарись / нас наизусть не выучит ни бог / ни грязь твоя и слизь» (с. 49). Особая, то широкая, то узкая, строфа-тропа Кудрявцева узнаваема не только ритмически, но и визуально.

страдание
как часть залога
внесённого в казну
я помню вальс безногого
на вёслах когда он грёб асфальт
и тишину
и нашу письменность домашнюю
ручну
ю нид из лав
мы прятали от взрослых.

(С. 75)

О том, что форма в стихах Демьяна Кудрявцева не только содержательна, но и является содержанием не в меньшей степени, чем представленная в стихах сумма слов, пишет и Лев Оборин: «...важнейший прием для Кудрявцева — постоянная паронимическая аттракция, держащее читателя в напряжении жонглирование близкими по звучанию словами с одновременным сопряжением их смыслов; не оставим без внимания и богатую звукопись... Предыдущий поэтический сборник Кудрявцева называется “Гражданская лирика”. В новой книге гражданственность можно понять и как лавирование между причастностью/непричастностью, как постоянную работу некоего этического счетчика Гейгера. Собираение артефактов языка, свидетельство о возможностях русской поэтической речи — это при таком раскладе параллельная задача. Но на самом деле она главная»³.

2 Гатина Д. По кочкам. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2005. <http://www.vavilon.ru/texts/gatina1.html>.

3 Оборин Л. Корень зла является зоологическим // Горький. 2022. 1 августа (<https://gorky.media/reviews/koren-zla-yavlyaetsya-zoologicheskim/>).

И в заключение следует сказать о разделе переводов, которым заканчивается «Русский как иностранный» (впрочем, есть еще «Примечания к пройденному» Сергея Шаргородского, где жанр комментария обретает черты эссеистики в своем сочетании вполне литературно-критического внимания к деталям и дружеских, личных моментов интерпретации). Переводы в сборнике Демьяна Кудрявцева не столько русский как иностранный, сколько иностранный как русский. Об этом пишет и Дмитрий Кузьмин в предисловии: «...Кудрявцев занят не отражением оригинала, а его пересозданием. Он обращается к иноязычным источникам потому, что хотел бы, но не может это же сказать от себя. А если ты не можешь сказать сам — дай сказать Другому» (с. 8). В переводах Фроста, Одена, Ибсена, англоязычного Набокова Кудрявцев-поэт некоторым образом самоотчуждается, не вполне отказывается, но несколько отступает от наиболее радикальных черт своей поэтики, так что переведенные стихи звучат новаторски, однако при этом конгруэнтно русской поэзии, современной переводимым авторам. Теперь они становятся частью русской литературы так, как будто были ею всегда. Здесь вспоминаем Агнона, создавшего в XX веке средневековую светскую ивритскую литературу ровно такой, какой она была бы, если бы была; вот Кудрявцев сделал примерно то же самое, как будто Набоков не уезжал, как будто Элизабет Дженнингс жила и умерла в Оксфорде Ленинградской области.